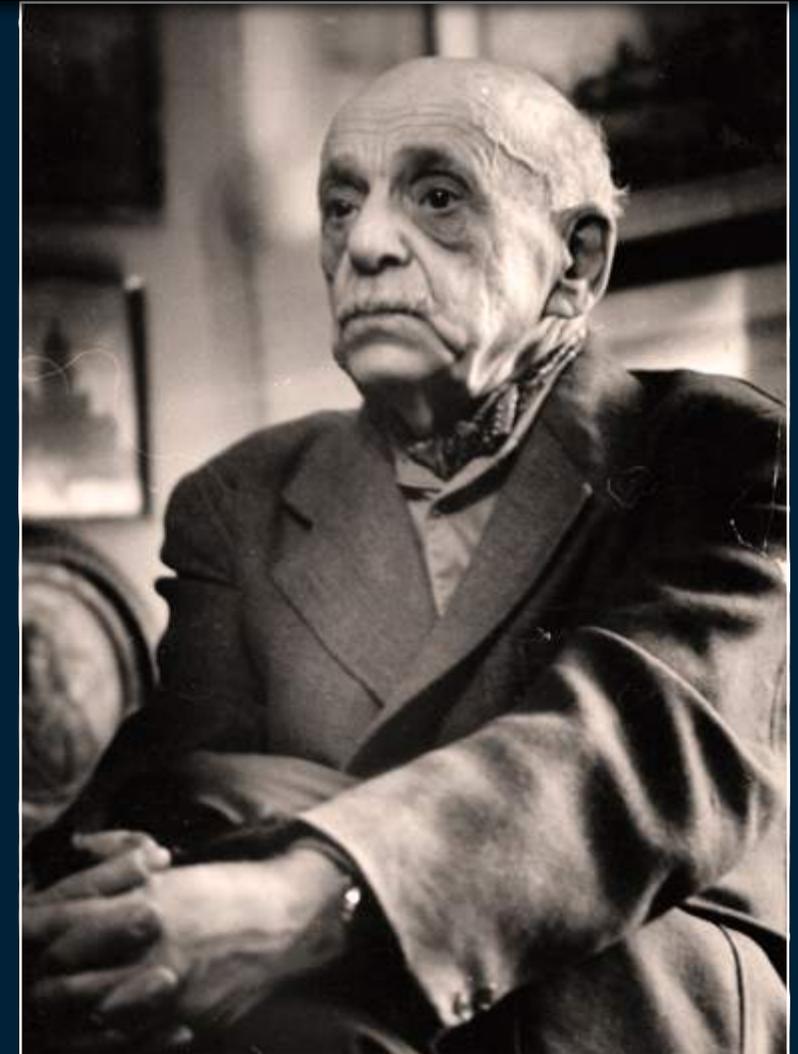

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Я старше, чем время...

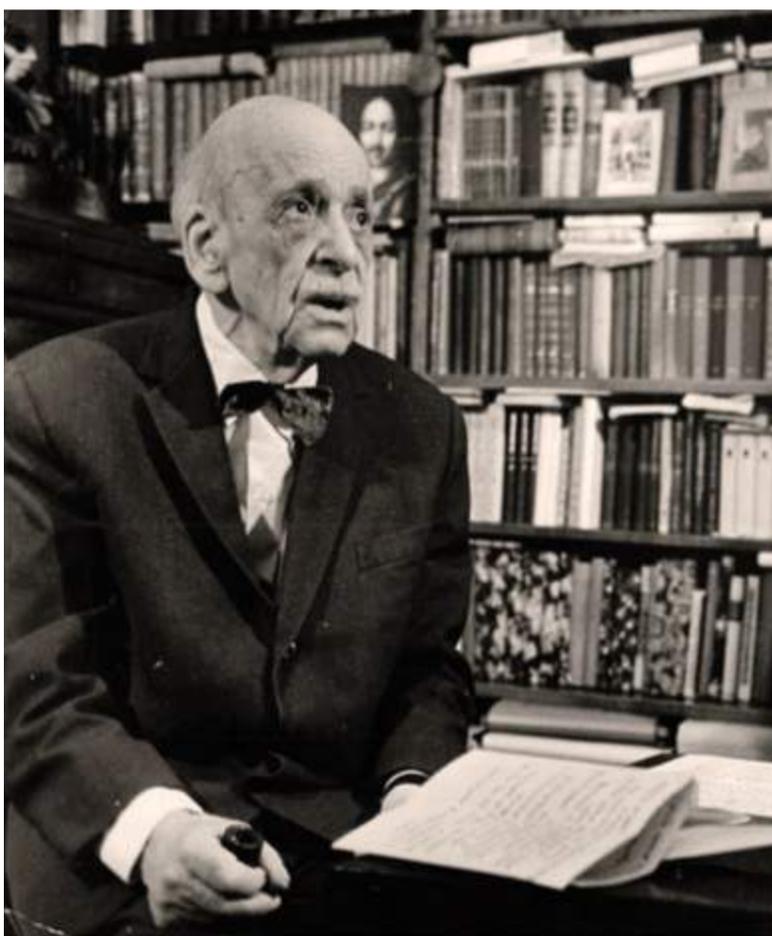

Павел Григорьевич
Антокольский
1896 – 1978

Literaturinis
Aleksandro Puškino
muzejus

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Павел Антокольский

Павел Григорьевич Антокольский, один из ярчайших представителей отечественной литературы XX столетия, прожил долгую и творчески насыщенную жизнь. Он был учеником театрального режиссера Е. Вахтангова и последователем поэтов Серебряного века, среди которых особо выделял Александра Блока, Марину Цветаеву и Валерия Брюсова. Впоследствии Антокольский стал учителем нескольких поколений поэтов советского времени.

Выставка посвящена его творческому наследию, экспозиция включает все этапы и наиболее значимые события его жизни и деятельности.

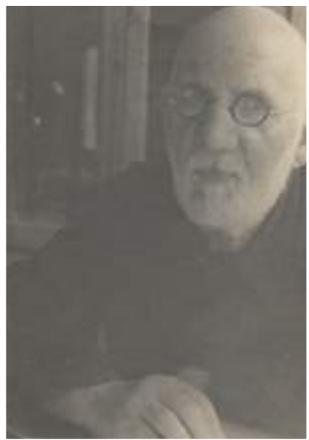
В своих автобиографических записках Павел Антокольский оставил незабываемую память о себе и многих своих великих современниках, с которыми дружил и работал.

Эти записки сопровождают экспозицию. Рассказ о судьбе Антокольского ведется от лица самого поэта и его современников.

На выставке представлены редкие экспонаты: фрагменты рукописей ранних произведений Антокольского, подаренное ему Е. Вахтанговым фото с дарственной надписью, иллюстрации Ю. Завадского к ранним стихам поэта, видеозаписи выступлений Антокольского на поэтических праздниках в Шахматове и Михайловском. В экспозицию вошли неизвестные иллюстрации Антокольского к произведениям А.С. Пушкина.

На выставке представлены материалы из архива семьи Тоом-Антокольских (Нью-Йорк), коллекций Дома-музея Марины Цветаевой (Москва) и Литературного музея им. А.С. Пушкина (Вильнюс). Проект подготовлен наследниками П.Г. Антокольского и сотрудниками Дома-музея Марины Цветаевой.

СЕМЬЯ

Григорий Моисеевич
Антокольский
1864—1941

Ольга Павловна
Антокольская
1860—1935

Павлик Антокольский с сестрами
Марией, Евгенией, Надеждой. 1904

«Я родился в 1886 году, 1 июля, в Петербурге. Отец мой был неудачливым адвокатом, постоянно носившимся с планами переустройства своей жизни и судьбы. А мать истово растила и воспитывала четырех маленьких детей-погодков, из которых я был старшим и к тому же единственным мальчиком.

Я старше двадцатого века на четыре года. Я много помню. Помню, как мальчиком услышал крики газетчиков о трагедии Цусимы и смерти Чехова. Через год в переулке рядом с домом, где мы жили, выросла баррикада, а на следующий день она была разбита царскими войсками. Так история вторглась в мое детство»*.

* Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Фото и свидетельство о рождении П.Г. Антокольского хранятся в архиве семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

ДЕТСТВО

«Главным увлечением моего детства было рисование акварелью и цветными карандашами. Любимая тема – большая голова из пушкинского “Руслана и Людмилы”. Впоследствии ее сменило изображение Ивана Грозного, в чем можно усмотреть влияние статуи моего двоюродного деда, скульптора Марка Матвеевича Антокольского.

Я принадлежал семье со сложившимися художественными традициями. Среди родных было много людей искусства. Меня тоже прочили в художественную академию. У родителей была мечта послать единственного сына учиться живописи в Париж, но эта мечта потерпит фиаско – разразится катастрофа Первой мировой войны и я останусь в России»*.

*Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

М.М. Антокольский. 1843–1902

Портрет работы М.В. Васнецова.
Холст, масло. 1884.
Государственная Третьяковская галерея. Москва

Иван Грозный.
Скульптура М.М. Антокольского.
1885. Государственная
Третьяковская галерея. Москва

Павел Антокольский с дядей
Л.М. Антокольским (1872–1942), художником,
дававшим племяннику уроки академического
рисования. Москва, 1908. Архив семьи
Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

ГИМНАЗИЯ

Фотомузей старой Москвы. Коллекция краеведа и историка Э.В. Готье-Дюфайе

«В 1904 году наша семья переехала в Москву. Здесь я поступил в частную гимназию Е.А. Кирпичниковой. Учился я неважно, хотя и любил уроки литературы и латынь. Окончил гимназию с грехом пополам, потому что в старших классах вообще был рассеян, застенчив, угнетен своим половым возмужанием и мало привычен к усидчивости и дисциплине. Кроме того, я уже увлекся литературой, театром, декламацией. Именно здесь берут свое начало две мои главные страсти и профессии: драматическое искусство и поэзия. А полученные в гимназии знания французского помогли мне потом в занятиях поэтическим переводом».*

*Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Информационная справка

Гимназия Е.А. Кирпичниковой на ул. Знаменка д. 12 – нетрадиционное воспитательное учреждение в России начала XX века, практиковавшее совместное обучение и коллективное управление с участием родителей. Гимназия славилась либерализмом и гуманитарным образованием. Особенно хорошо было поставлено обучение родному и иностранным языкам, а организованный в гимназии театр считался одним из лучших ученических театров Москвы.

УНИВЕРСИТЕТ

Студенческая
драматическая студия под
руководством артистов
Художественного театра.
Прием продолжается.
Адрес: Остоженка.
Мансуровский пер. д. 3

Главный корпус старого здания Московского Университета

«Я закончил гимназию в 1914 году, а через год уже был студентом юридического факультета Московского государственного Университета.

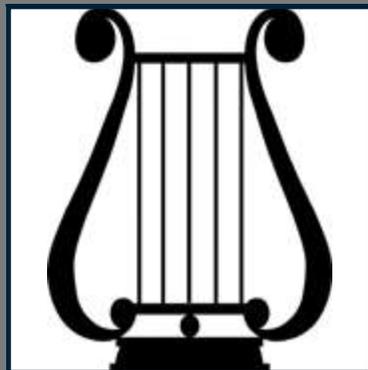
Университет – это начало всех моих начал, узел всех будущих дорог. Помню уютный вестибюль старого университетского здания на улице Моховой. Толстые каменные стены, деревянные диваны, высокие холодные подоконники.

Однажды на одной из стен каменного сводчатого вестибюля я прочел объявление о некой студенческой драматической студии. Объявление это определило судьбу мою на долгие годы. Поздней осенью 1915 года я стучался в подъезд дома в Мансуровском переулке, где происходили сборища молодежи и занятия студии. Я был принят.

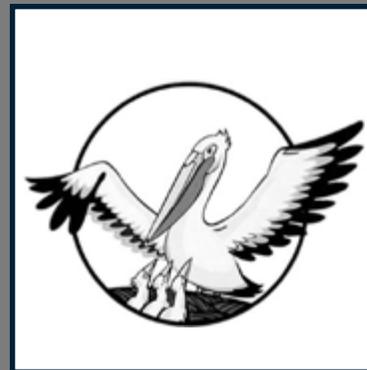
Я перестал ходить на лекции. Кое-как сдал экзамены с первого курса на второй. Теория права, введение в государственное право и начатки римского права, – дались мне легко, заинтересовав своей связной логикой. Но голова, память, душа были полны театром»*.

* Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

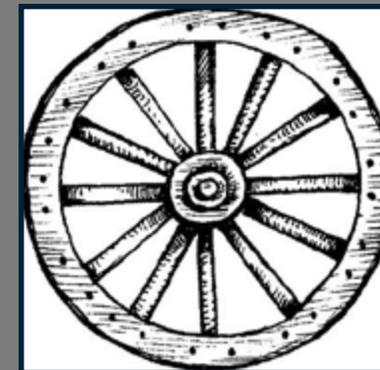
АНТОКОЛЬСКИЙ: ПУТИ ТВОРЧЕСТВА

Поэзия

Педагогика

История

Театр

перейти
к следующему
разделу

АНТОКОЛЬСКИЙ И ВАХТАНГОВ

«В студии я узнал Евгения Багратионовича Вахтангова. Ни один человек ни до ни после Вахтангова не оказал на меня такого решающего влияния во всех областях жизни и искусства. Если я что-нибудь значу, и что бы я ни значил, – это в моей крови бродит капля горячей вахтанговской крови, его действенная любовь к тому делу, которое он делал на земле. Весь его душевный пыл заключался в том, чтобы сотворить актеров, и в этом он был сказочным виртуозом. Вот почему после его ранней смерти осталось такое прочное основание для развития Его Театра, который стал всемирно известным»*.

Сцена из спектакля «Чудо святого Антония».
Музей театра им .Е. Вахтангова

Сцена из спектакля «Принцесса Турандот».
Музей театра им .Е. Вахтангова

Е.Б. ВАХТАНГОВ. 1883-1922

На фото дарственная надпись: «Москва 1919 г. Дорогому Павлу Григорьевичу в память моей постоянной любви. Евгений Вахтангов». Под фото запись: «Студия МХТ. Е.Б.Вахтангов». Литературный музей им. А.С. Пушкина, Вильнюс

Информационная справка

Пьесу М. Метерлинка «Чудо святого Антония» для постановки Е.Б. Вахтангову предложил П.Г. Антокольский; он сыграл в спектакле роль священника, 1921. Это была его единственная актерская работа в спектаклях студии. Пьесу К. Гоцци «Принцесса Турандот» Е.Б. Вахтангову предложил тоже П.Г. Антокольский; он же написал для спектакля песни-новеллы и песни-притчи, 1922.

АНТОКОЛЬСКИЙ–ДРАМАТУРГ

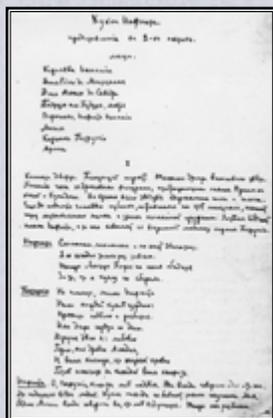

«Актера из меня не вышло, но в студии у Вахтангова я перепробовал все театральные профессии: играл на сцене, передвигал и приколачивал декорации, пробовал силы в режиссуре. Будучи студийцем, я написал две свои первые пьесы “Кукла Инфанты” (1916) и “Кот в сапогах или Обручение во сне” (1917). Должен сознаться, что свое поэтическое летоисчисление я начинаю именно отсюда. Все пошло из этого опыта.

Мои пьесы произвели сильное впечатление среди студийцев. “У нас есть собственный драматург” – это открытие многих обрадовало. Но главным пропагандистом “Инфанты” и “Обручения” стал мой друг Завадский. В нем проснулся будущий потенциальный режиссер. Здесь он нашел материал, свойственный себе, и это не удивительно. Ведь я тоже был под влиянием его фантастических, живописных композиций. Картонный цилиндр Брама сошел с его рисунков; урбанистическая невнятица, смешение яви и сна – все это можно было прочесть в его графике.

С благословения Вахтангова он взялся ставить мои пьесы. 15 марта 1919 года постановка “Обручения во сне” была показана зрителям. Завадский и я были на седьмом небе. Вахтангов прислал мне ласковое письмо и поздравлял с победой»*.

*Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Страница рукописи пьесы П.Г. Антокольского «Кукла инфанты». Автограф. 1916
Иллюстрации Ю.А. Завадского к литературным произведениям П.Г. Антокольского. Осень 1917

Портрет П.Г. Антокольского работы Ю.А. Завадского. 53 x 90, масло. 1918.

Литературный музей им. А.С. Пушкина, Вильнюс

АНТОКОЛЬСКИЙ И АКИМОВ

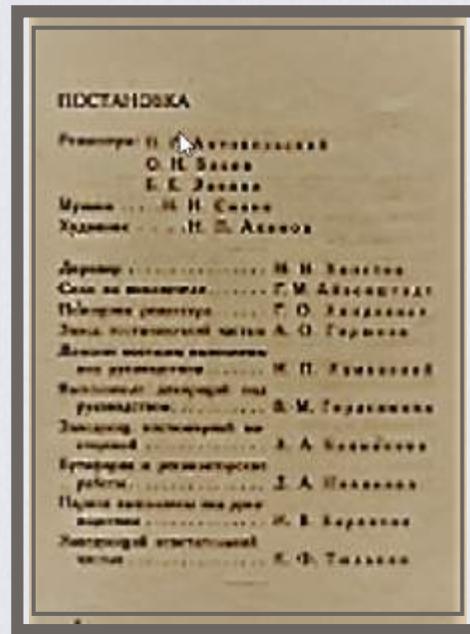
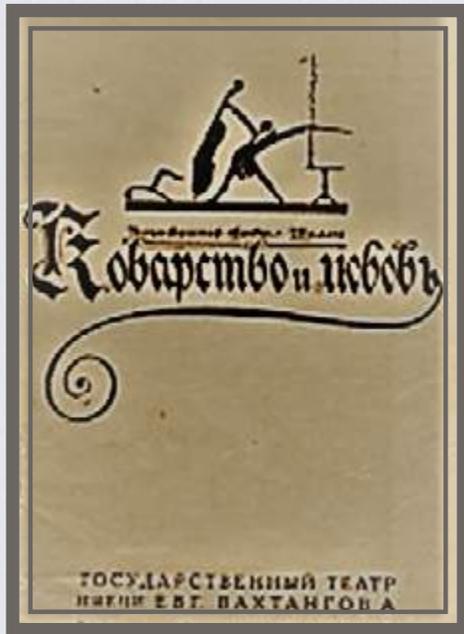
«С этим блестящим разносторонне одаренным человеком очень много для меня было связано в конце 20-х – начале 30-х годов, в постановках “На крови”, “Коварство и любовь”, даже в его “Гамлете”. Впоследствии, когда он порвал с вахтанговцами, окончательно обосновался в Ленинграде и стал сам руководить театром, эта связь оборвалась, мы встречались редко. А между тем он вырос и как руководитель своего театра, а главное, как острейший, смелый до дерзости борец за репертуар, как теоретик-публицист. Его статьи и книги по театру царапали, задевали за живое, за самые больные места нашей культуры. Его травили и ругали, но в последнее время приходилось уже и очень считаться с ним. Он прожил блестящую, нервную жизнь. Его ранняя смерть – большой удар для всей культуры»*.

*Антокольский П.Г. Дневник. 1964-1968.
СПб.: Пушкинский фонд, 2002. С. 100

Н.П. Акимов. 1901-1968

Портрет П.Г. Антокольского работы Н.П. Акимова. Тушь, 1930.

Фрагмент театральной программы к спектаклю «Коварство и любовь», поставленному П.Г. Антокольским и Н.П. Акимовым в театре им. Е. Вахтангова. 1930. Иллюстрация на титульном листе программы работы Н.П. Акимова.

АНТОКОЛЬСКИЙ И ПЕСНЯ

Серенада Дон Кихота

к спектаклю «Дон Кихот»
сл. П. Антокольского, муз. Т. Хренникова
исп. С. Лемешев

Серенада Клаудио

к спектаклю «Много шума из ничего»
сл. П. Антокольского, муз. Т. Хренникова
исп. И. Кобзон

Поздно ночью мы вдвоем

к спектаклю «Двенадцатая ночь»
сл. П. Антокольского, муз. Э. Колмановского
исп. В. Трошин

Как соловей о розе

к спектаклю «Много шума из ничего»
сл. П. Антокольского, муз. Т. Хренникова
исп. М. Магомаев

АНТОКОЛЬСКИЙ И ГОРЬКИЙ

Зое Константиновне
Бажановой
М. Горький
28. X. 32 г.

А.М. Горький. 1868-1936

Афиша к спектаклю «Егор Булычев и другие». 1932. Музей театра им. Е. Вахтангова

З.К. Бажанова в роли Таисии в спектакле театра им. Е. Вахтангова «Егор Булычев и другие». 1932.
Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

«Вернувшийся в Россию из Италии Алексей Максимович Горький прочитал вахтанговцам свою новую пьесу “Егор Булычѳв и другие”. Закончив, он улыбнулся, лицо его осветилось изнутри, он спросил: “Ну как, годится?” Я собрался с духом, с мыслями, рассказал как понял его пьесу: речь идет о гибели очень одарѳнного человека. Это не его личная гибель, это гибель российского капитализма.

Сначала постановку доверили мне. Я отправил письмо Горькому о своих постановочных предположениях. Он ответил, что в общем согласен. Но после показа первого акта товарищам в театре меня ждала катастрофа. Старый мой друг Куза позвал меня в свой кабинет и, пряча глаза, глухо объявил, что Театр не может доверить мне дальнейшую работу, что ставить будет Захава. Не помню, что было после. Кажется, я ушел, долго бродил по Москве, поздно вернулся домой, обсуждал с Зоей пережитое. <...>

Впоследствии этот спектакль оказался лучшим из всего сделанного вахтанговцами. Успех был полный. И подлинная победа ждала мою Зою»*.

*Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Под фото дарственная надпись: «Зое Константиновне Бажановой. М. Горький. 28. X. 32 г.».

Литературный музей им. А.С. Пушкина, Вильнюс

АНТОКОЛЬСКИЙ – РЕЖИССЕР

Московский Театр им. Е. Вахтангова		
1924	П. Мериме. Карета святых даров	совместно с А. Поповым
1926	В. Гюго. Марьон Делорм	совместно с Р. Симоновым
1928	С. Мстиславский. На крови	
1930	Ф. Шиллер. Коварство и любовь У. Шекспир. Гамлет	совместно с Б.Захавой и др. совместно с Н.Акимовым и др.
1932	М. Горький. Егор Булычев и другие	совместно с Б.Захавой
1932	Витебский драматический театр П. Бомарше. Женитьба Фигаро	
Театр им. В. Чкалова при автозаводе г. Горького		
1934	В. Катаев. Время вперед!	совместно с З. Бажановой
1935	М. Шолохов. Поднятая целина	
1937	Д. Фонвизин. Недоросль	
1938	Л. Рахманов. Беспокойная старость	
1939	В. Катаев. Я сын трудового народа.	
	Н. Куличенко. В. Масс. Сады цветут И. Луковицкий. Адмирал Нахимов	
1940	П. Бомарше. Женитьба Фигаро	
	К. Симонов. История одной любви М. Светлов. Двадцать лет спустя	
1941	П. Антокольский. Валерий Чкалов	
1945	Томский областной драматический театр им. В. Чкалова У. Шекспир. Ромео и Джульета	

«Но театр, театр, театр! всю жизнь я буду считать, что часы, ночи, дни, проведенные за режиссерским столиком, в любых, самых трудных условиях, – это самые счастливые, самые наполненные (творчески) времена моей жизни. Дело в том, что, ставя спектакль, сразу видишь результат работы: как сделанное тобой “живое” продолжает жить у сотен неизвестных чужих людей! В этом первозданная, грубая прелесть театра – может быть, первого (по времени возникновения) в семье человеческих искусств».*

*Фрагмент письма П.Г. Антокольского своему биографу Л.И. Левину // Л. Левин. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского.
М.: Советский писатель, 1978. С. 47

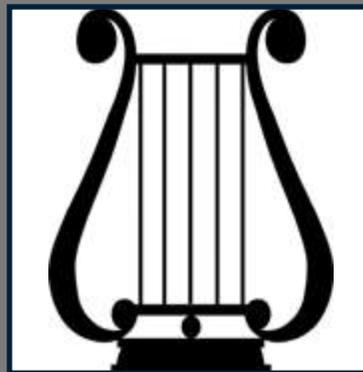

Репетиция спектакля «Время, вперед!» в комсомольском театре им. В. Чкалова в г. Горьком. На переднем плане перед труппой сидит режиссер П.Г. Антокольский. 1934.
Семейный архив Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

АНТОКОЛЬСКИЙ: ПУТИ ТВОРЧЕСТВА

перейти
к выбору разделов

Поэзия

перейти
к следующему
разделу

АНТОКОЛЬСКИЙ И БЛОК

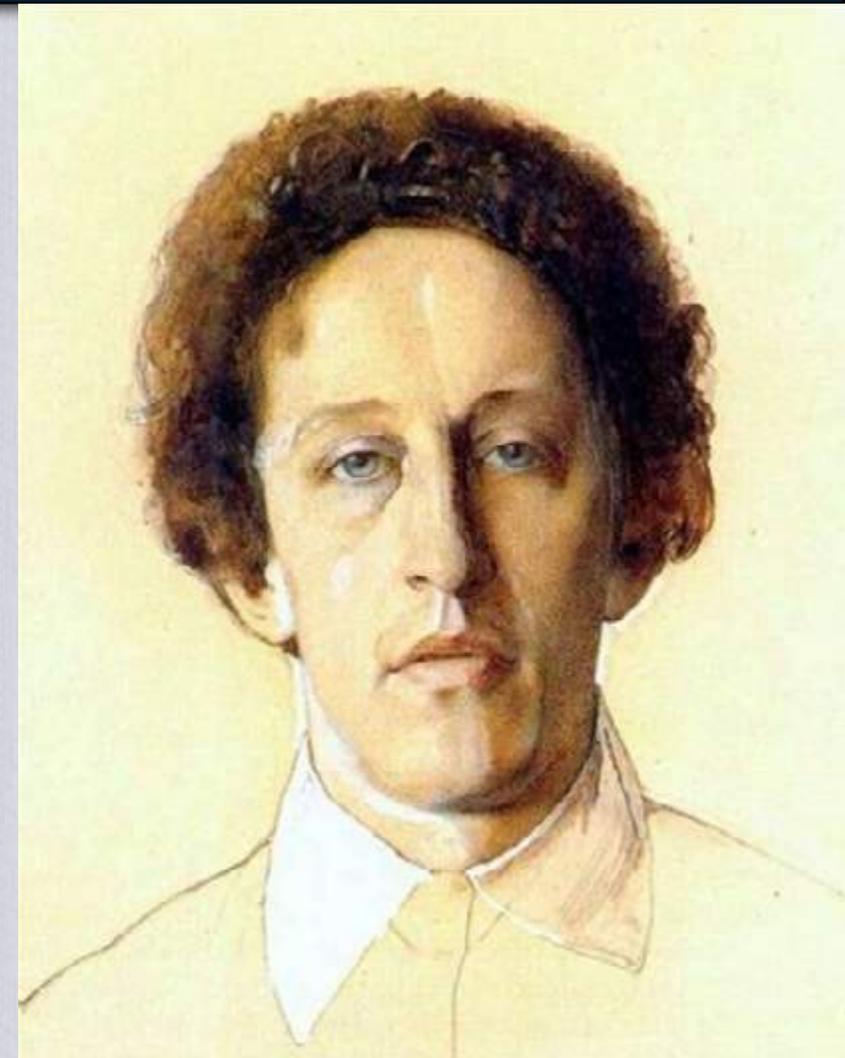
«Поскольку актера из меня не вышло, весь избыток духовных сил целиком ушел в поэзию. Стихи из меня извергались как из помпы. Но мне предстояло еще найти себя, определить свое лицо. И тут мне помогло явление Александра Блока. Через его поэзию я понял значение *метафоры*, как некой волшебной силы, преобразующей мир.

Я хочу поклониться этой великой тени. Поклониться Блоку хотя бы за то, что мои первые пробы пера – сплошное ему подражание. Я беззастенчиво списывал у него целые строфы и, ничего не меняя, вставлял их в собственные чудовищные измышления в стихах. Поклониться Александру Блоку – это значит поклониться и ей, давно миновавшей юношеской, а то и отроческой поре»*.

*Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Андрей Тоом, Анна Тоом. Выступление на конференции «Серебряный век. Взгляд из века XXI». Апрель, 2017. Вильнюс

А.А. Блок. 1880 – 1921

Портрет работы К.А. Сомова. Бумага, графитный и цветной карандаш, гуашь. 38 x 30. 1907

Источник: Шумакова И, Илюхина Е. Карандашный рисунок: от Ореста Кипренского до Казимира Малевича // «Третьяковская галерея». № 1. 2011 (30)

АНТОКОЛЬСКИЙ И БРЮСОВ

В.Я. Брюсов. 1873 – 1924

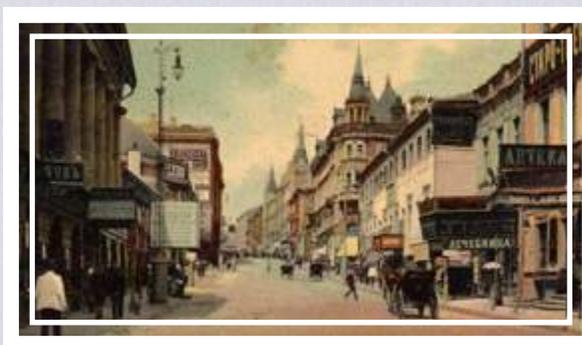
Рисунок-портрет работы Б.К. Рериха. Карандаш. 1903

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва. Источник: Гречишкин С.С., Котлерев Н.В., Лавров А.В. Переписка с Вяч. Ивановым 1902–1923. М.: Литературное наследство. Том 85, 1976. С.451

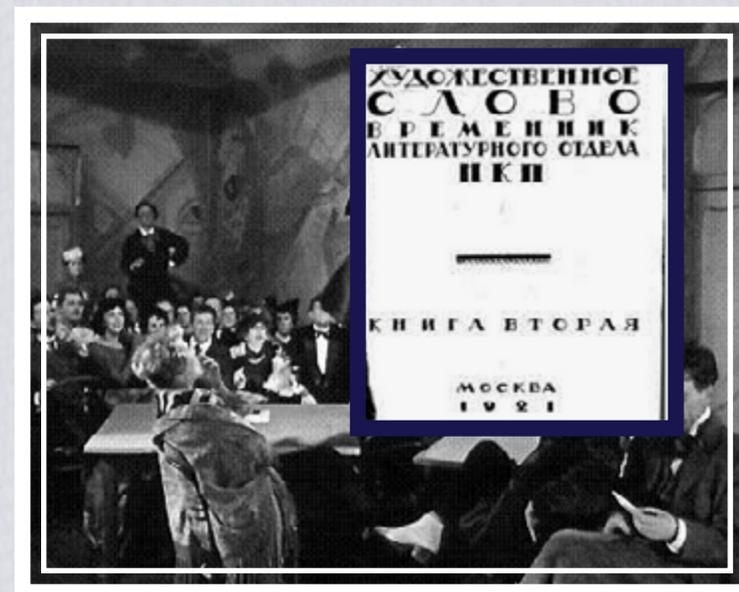
«В 1920-м году я стал посещать Кафэ Поэтов на Тверской. Тут мне суждено было встретиться с Валерием Яковлевичем Брюсовым. Это был отличный организатор и руководитель поэтической молодежи. Органическая потребность Брюсова – заново создавать поэтические течения, завязать между ними борьбу, принять в ней участие на правах арбитра. Это был прекрасный и благородный учитель поэзии, гувернер молодежи. Никого сколько-нибудь равного ему в этом деле я никогда после не встретил. Он был новатором, он делал непривычное и новое в непривычных и новых, им самим на ходу создаваемых условиях, просто – на уличном перекрёстке, ибо мало чем отличалось от перекрёстка пресловутое Кафэ Поэтов. Брюсову понравились мои стихи, и в 1921 году он напечатал их во временнике “Художественное слово”. Так началась моя профессиональная жизнь поэта»*.

* Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Тверская ул. начала XX века

АНТОКОЛЬСКИЙ И ЦВЕТАЕВА

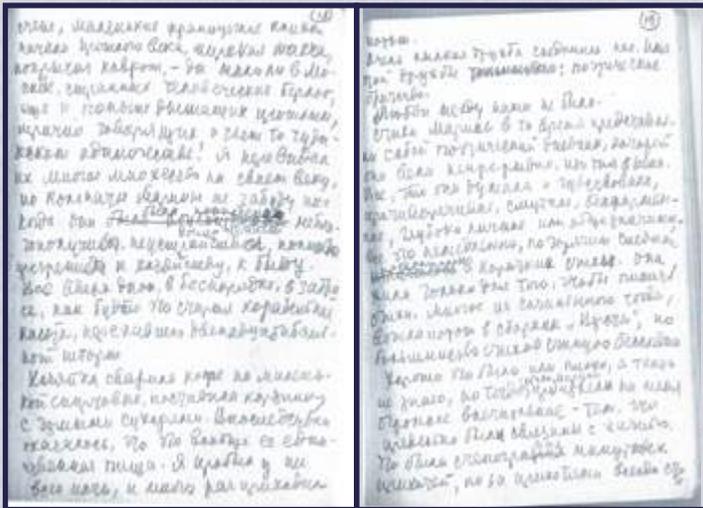
«Еще важнее была в 1918-ом году встреча с Мариной Цветаевой. Она была старше меня года на четыре. От нее первой я услышал не только одобрение моим стихам, но и проницательную их оценку. Марина угадала во мне такого же

мастерового, каким была сама, а я понял, что кроме таких высоких категорий, как вдохновение и восторг, есть простая работа. <...>

Вообще, многое она впервые открыла мне в поэзии. Через нее, сквозь нее я начал понимать Лермонтова, Гейне. Я по-новому, как-то легче и свободнее отнесся к своим собственным пьесам и стихам. Дружа с нею, я понял, что воистину не боги горшки обжигают, что искусство можно делать голыми руками. Я увидел кухню очень одаренного и оригинального поэта и понял, что эта кухня, пожалуй, не лучше моей. <...>

Информационная справка

Год встречи с М. Цветаевой указан Антокольским ошибочно – встреча произошла в 1917 году.

Крылатое и легкое шло от Марины. Пушкинской внутренней свободой полно было ее существо. Она всегда была в устремлении, в душевном порыве»*.

* Антокольский П.Г. Далеко это было где-то... М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 259–260

М.И. Цветаева. 1892 – 1941

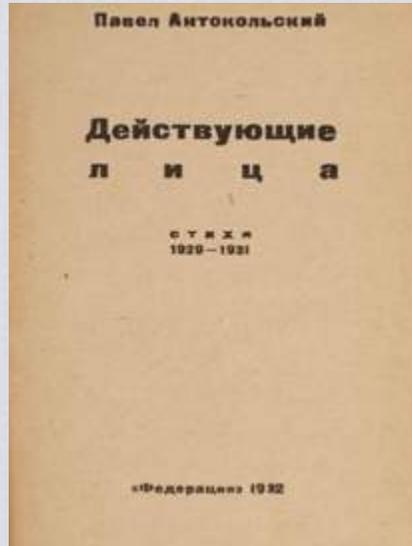
Дом М. Цветаевой в Борисоглебском пер. 6
Рис. В.А. Кудрявцева. Акварель

Фрагмент рукописи автобиографической провести П.Г. Антокольского «Мои записки». Архив Дома-музея Марины Цветаевой, Москва

АНТОКОЛЬСКИЙ-ПОЭТ

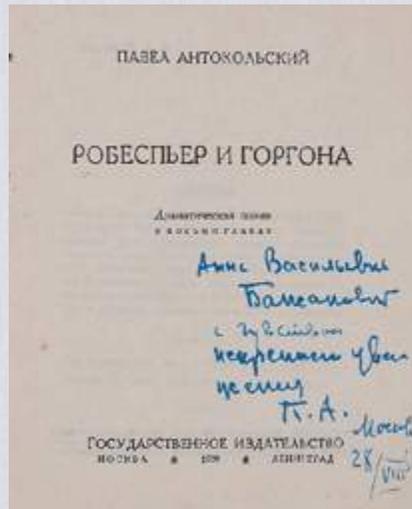
«Узел»
1926

«Федерация»
1932

«ОГИЗ-ГИХЛ»
1934

«Госиздат»
1930

«Я работал в театре. Параллельно шла моя литературная жизнь. В 1921-м году вышла первая книжка моих стихов, в 1922-м уже была опубликована вторая.

В 1923-м году вместе с театром Вахтангова я побывал в Швеции и Германии, а в 1928 году – в Париже. Вскоре после этого были опубликованы мои книги “Запад” (1926) и “Действующие лица” (1932). Вышли мои поэмы в стихах: “Робеспьер и Горгона” (1930) и “Франсуа Вийон” (1934), которую я посвятил моему театральному учителю Е.Б. Вахтангову»*.

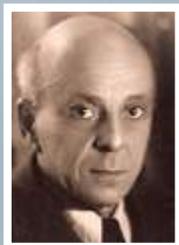
* Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

На обложке книги «Франсуа Вийон» иллюстрация П.Г. Антокольского. Карандаш. 1934

На титульном листе книги «Робеспьер и Горгона» дарственная надпись «Анне Васильевне Бажановой с чувством искреннего уважения. П.А. 28.VIII.30»

Иллюстрация П.Г. Антокольского к поэме «Робеспьер и Горгона». Бумага, тушь, гуашь. 1930. Архив Литературного музея им. А.С. Пушкина, Вильнюс

АНТОКОЛЬСКИЙ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

«Работа над переводами французских поэтов давным-давно сопровождала мою собственную поэзию, была естественным продолжением таких вещей, как “Санкюлот”, “Робеспьер и Горгона”, “Франсуа Вийон”, а также стихов о Париже.

Мой выбор авторов не произволен. Он продиктован не только пристрастием, не только жанровыми признаками. <...> У каждого из поэтов я искал отражение их времени, их связи с огромным человеческим сонмом <...>. Оттого, что История, муза Истории, божественная Клио навсегда остается единственной из девяти сестер руководительницей на моем жизненном и рабочем пути. Муза Истории! Не знаю, красавица ли она, – знаю только одно: она не обманет, ведет, куда надо.

Правила, законы и задачи художественного перевода полностью соответствуют тому, что я делаю в собственной поэтической работе. Перевод, если это перевод действительно нравящегося поэта, является творческим делом, доставляющим большое удовлетворение»*.

* Антокольский П.Г. Два века поэзии Франции. Переводы. М.: Художественная литература, 1976. С. 3-4

Информационная справка

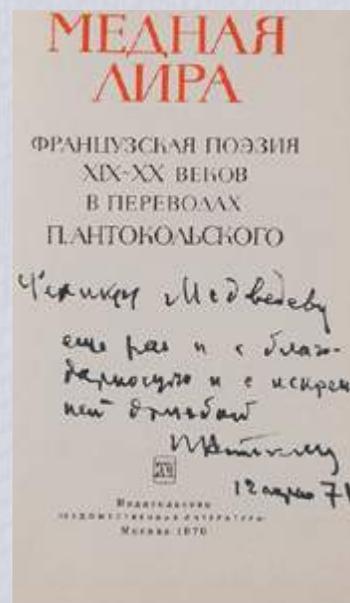
Представленные книги – результат полувековой исследовательской и переводческой работы П.Г. Антокольского с поэзией Франции XIX и XX веков. Им переведены стихи П.-Ж. Беранже, В. Гюго, О. Барбье, Т. Готье, Э. Потье, Ш. Бодлера, Ж.-Б. Клемана, П. Верлена, А. Рембо, Ж. Лафорга, Г. Аполлинера, Б. Сандрара, Ж. Кокто, П. Элюара, Л. Арагона, Р. Десноса, Ж. Декура, Ф. Дюмена, Ш. Добжински. Эти переводы вошли в золотой фонд русской переводной поэзии.

«Художественная литература»
1955

«Прогресс»
1966

«Художественная литература»
1970

«Художественная литература»
1976

АНТОКОЛЬСКИЙ–ПЕРЕВОДЧИК

«Одним из важных результатов Первого Всесоюзного Съезда Писателей в 1934-ом году было утверждение связи между литературами братских советских народов, личной связи между писателями республик. Дан был толчок переводческому делу. Это движение получило большой размах. Я горячо взялся за переводное дело, у меня появились новые друзья. <...> В 1934 году в Армении я начал переводить поэмы Туманяна и Черенца. В 1936 году в Киеве близко сошелся с Миколой Божаном. В Азербайджане – с Самедом Вургуном, в Грузии – с Симоном Чиковани. Перед нами открывались новые миры: эпосы народов СССР, нетронутая порода, сверкавшая в земных недрах; поэзия прошлых веков Закавказья и Средней Азии. Антологии тогда еще только замышлялись»*.

*Фрагмент неопубликованного варианта автобиографии П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

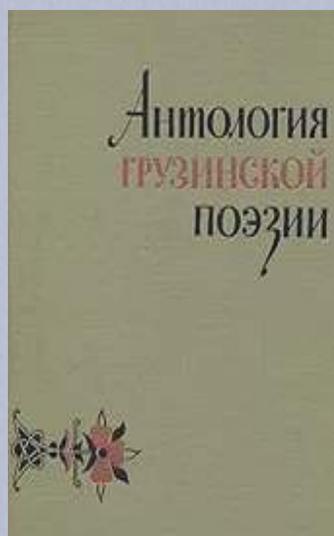
П.Г. Антокольский с поэтами Грузии и Украины: с С. Чиковани (слева), Л. Первомайским, С. Голованивским (справа). Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

1940

1939

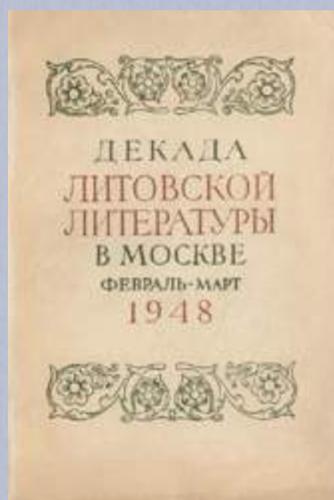
1958

1940

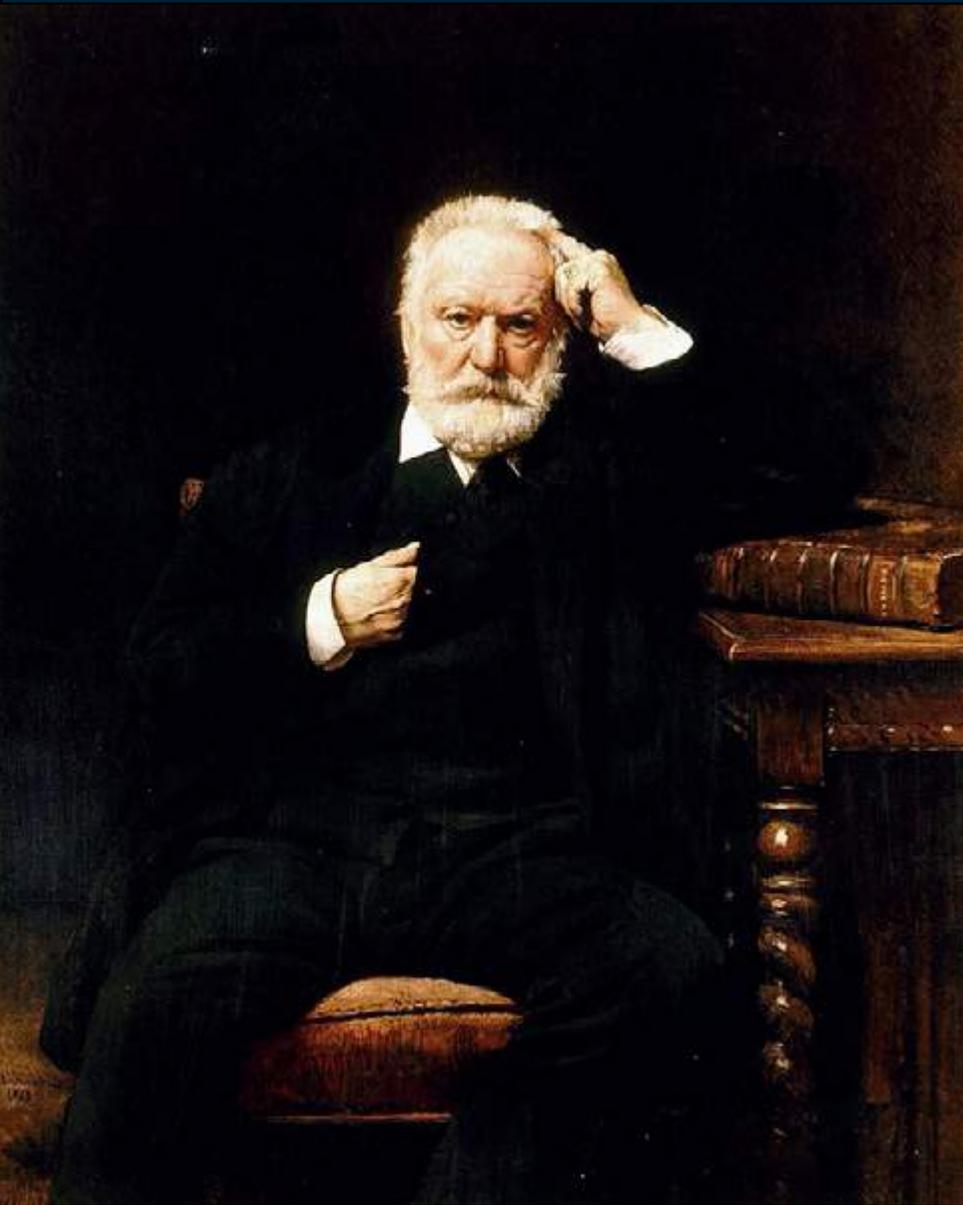
1936

1948

Книги вышли в Государственном издательстве «Художественная литература», Москва

АНТОКОЛЬСКИЙ И ГЮГО

В. Гюго. 1802–1885

Сцены из спектакля «Король забавляется» в театре «Дилижанс», г. Тольятти. Драма в стихах В. Гюго. Пер. с франц. П.Г. Антокольского

«Эта жизнь – долгая, бурная, великолепная – была и на редкость трудовой жизнью. Книги стихов, романы, драма, критика, политические памфлеты, парламентские и иные речи, воспоминания, письма к сотням современников в Европе и Америке, снова и снова книги стихов до глубокой старости... Творческое наследие Гюго не уместится в нескольких десятках томов. Оно отражает все умственные течения и все общественные движения XIX века, все смены режимов на родине поэта, всю историю мирового романтизма.

Недаром Гюго остается и по сей день одним из самых читаемых, переводимых на все языки “тиражных” писателей на всем земном шаре»*.

* Антокольский П. Пути поэтов. Очерки. М.: Советский писатель, 1965. С. 425–426

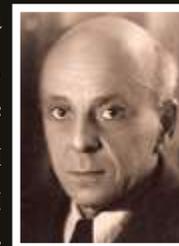
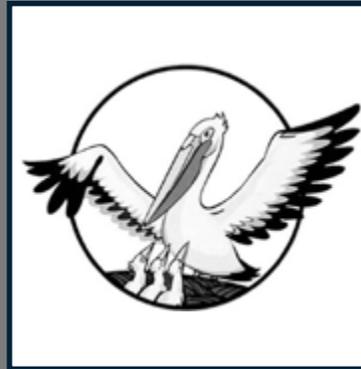

Фото из архива театра юного зрителя «Дилижанс», г. Тольятти

АНТОКОЛЬСКИЙ: ПУТИ ТВОРЧЕСТВА

перейти
к выбору разделов

Педагогика

перейти
к следующему
разделу

ЛИТСЕМИНАРЫ АНТОКОЛЬСКОГО

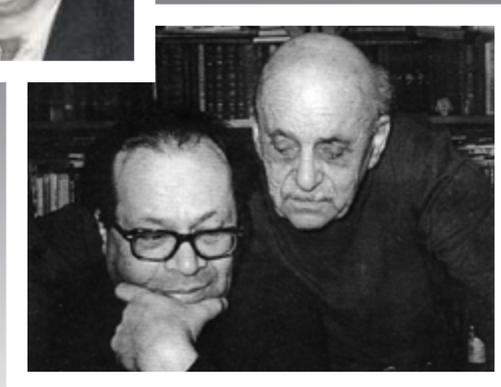

«В 1936 году я помню себя в кабинете директора Гослитиздата в Большом Черкасском переулке, за его большим столом. Предо мной сидят молодые – Долматовский, Алигер, Симонов, С. Васильев, Михалков, Матусовский, Ошанин, Железнов, ныне покойные Рейхауз, Б.Лебедев, Бондаревский, Стрельченко. Мне больше всех нравится Долматовский. Я считаю его самым одаренным. Мне нравится в его стихах верность жизненному факту, умение видеть и слышать сегодняшний день. Много надежд возлагаю на Симонова – конечно же, этот высокий юноша, бедняк с виду, смелый в ответах, так трезво оценивающий и себя и товарищей, и по видимости очень работоспособный, – далеко пойдет. Алигер помалкивает, робеет, стихи у нее бывают растянутыми, но у нее чувствуется лирический дар.

Мы сообща задумали интересное предприятие. Через год исполнится сто лет со дня гибели Пушкина. Пусть каждый напишет о нем стихи. <...> Пусть каждый выберет близкую себе тему: детство, лицей, Петербург, южная ссылка, декабристское восстание и т.д. Организуем этот материал, чтобы наш сборник был поэтической биографией Пушкина.

Дело идет на лад. Поэты увлечены, на каждую нашу встречу они являются с ворохами черновиков. <...>

Книга наша уже сдана в набор. Наше объединение продолжает собираться. Между молодыми и мною возникают личные дружбы, из которых несколько остаются для меня определяющими на все последующие годы»*.

П.Г.Антокольский с К.М.Симоновым и М.И.Алигер в президиуме на своем юбилейном вечере. ЦДЛ, 1 июля 1976

П.Г.Антокольский с Е.А.Долматовским. 1960-е

П.Г.Антокольский с М.Л.Матусовским в своем дачном рабочем кабинете. Красная Пахра, апрель 1967

*Антокольский Павел. Далёко это было где-то... М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С. 366-367. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

АНТОКОЛЬСКИЙ И ПОЭТЫ-ФРОНТОВИКИ

Е. Долматовский: «Когда я приезжал на несколько дней в Москву, Антокольский отобрал у меня тетрадь со стихами. Отобрал без всяких разговоров: “Чтоб не пропала, ведь стихи лета 1941 года погибли у тебя”».

Я видел на его столе стихи моих товарищей, находящихся на разных участках фронта. <...> Подопечные Павла Григорьевича с удивлением читали свои стихи на страницах “Правды” или “Комсомолки”, лишь потом узнавали, что это Павлик отнес, добился, даже сделал поправку, когда потребовалось. Я тогда еще не знал, что всемерная поддержка молодых поэтов, находившихся в действующей армии, была постоянной заботой Антокольского».

М. Дудин: «А потом он повел меня в издательство “Молодая гвардия”, где главный редактор издательства Борис Евгеньев дал мне в руки уже готовый сборник моих стихов, – на первой странице было напечатано: Под редакцией Павла Антокольского».

Оказывается, Павел Григорьевич сам собрал мои стихи, печатавшиеся тогда в “Комсомольской правде”, составил сборник и снес его в издательство. Я смотрел на Павла Григорьевича и на Бориса Евгеньева как на волшебников, заставивших меня на всю жизнь поверить в достоинство братства Поэзии – в самое верное братство на всей земле».

Я. Хелемский: «Но Антокольский, вернувшись из действующей армии, оказывается, собрал мои фронтовые стихи, печатавшиеся в “Комсомольской правде”, “Смене”, журнале “Красноармеец”, составил маленькую книжку, отредактировал и добился ее немедленного издания».

Потом мне прислали на фронт авторские экземпляры. Серая газетная бумага, рыженькая обложка. Тираж 5000 экземпляров. Типография “Красный печатник”. Редактор П. Антокольский. Эту брошюрку я и сейчас листаю с особым чувством. Название книжке тоже дал Павел Григорьевич. Он сперва хотел использовать для заглавия свою собственную строчку “Армия шла по Орловской земле”. Но в издательстве сочли, что очень длинно. Сократили. На обложке осталось три слова По Орловской земле».

В. Федотов: «Всю свою жизнь Павел Григорьевич Антокольский был окружен молодыми поэтами, которых он учил, двигал в литературу. Но, думается мне, ни к одному поколению он не относился так заботливо, проникновенно, как к фронтовому. <...>

Душой присматривался Антокольский к тем, кто вернулся с войны. А были среди нас и такие, которые пришли с руками, висящими на защитного цвета повязках, на костылях. Тяжкие раны не могли не сказываться на душевных силах. Видимо, хлопоча весной 1948 года о предоставлении мне бесплатной путевки в Дом творчества и творческой командировки, Антокольский не просто так обмолвился: “Посмотрим, что будет осенью. Нам необходимо очень серьезно заинтересоваться судьбой Федотова...” Но случилось так, что осенью этого года Павел Григорьевич был вынужден уйти из Литинститута».

УЧЕНИКИ ЗАЩИЩАЮТ АНТОКОЛЬСКОГО

Григорий Поженян:

«“Я нес книгу этого поэта на груди, когда шел в бой. Если бы в меня попала пуля, она прострелила бы и его книгу. На фронте погиб сын Антокольского, он не может защитить своего отца. За него это сделаю я. Я не боюсь. Меня уже убивали на фронте. Вы хотели, чтобы я осудил своего учителя? Следите за моей рукой!” – и сделал неприличный жест».

Электронная газета «Родина», 1 декабря 2017

Эдуард Асадов:

«Никогда он не критиковал соцреализма и никакой мистики не проповедовал. <...> Что же касается слова “формализм”, то весь он заключался в том, что Антокольский хотел, чтобы мы для наиболее яркого выражения своих мыслей и чувств совершенно свободно научились пользоваться поэтической формой».

Асадов Э. Интервью у собственного сердца.

М.: Эксмо, 2008. Т. 2

Александр Ревич:

«Какая горечь! Его обвиняли в пристрастии к Западу, а он был настоящим сыном России, российской культуры, “гражданином Москвы”. <...> Интерес его к Франции не был просто галломанией, скорее был духовной тягой к французскому духу демократии и свободолюбия».

Ревич А. Записки поэта // Дружба народов. 2006.

№ 6. С. 191

Грибачев Н.М. Против космополитизма и формализма в поэзии // Правда. 16 февраля 1949. (Статья секретаря партбюро СП СССР. Фонд А.Н. Яковлева. Док. 113

Информационная справка

Собрания, на которых изгонялись из советской поэзии «безродные космополиты», «формалисты» и «декаденты», проходили на ученом совете Литинститута и на «большом позорище» в Дубовом зале клуба писателей.

АНТОКОЛЬСКИЙ И ПОЭТЫ-ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

«Чем старше и старше я становлюсь, чем дольше работаю в поэзии, тем отчетливее сознаю: самая нужная мне, жизненная и рабочая среда – это среда молодёжи. Самая нужная мне оценка – это оценка молодёжи. Наше дело – дело старших, которые не сегодня-завтра сойдут с жизненной сцены, – дело простое и нехитрое. Мы обязаны достойно встретить нашу смену, облегчить ей судьбу. И если она того заслуживает, хвалить её щедро. И обязательно –

доверять молодёжи

Когда несколько лет тому назад я печатно назвал Булата Окуджаву современным рапсодом или трубадуром, дураки взъелись на меня. В их возражениях чудилось: “Эк, куда хватил!” И это в высшей степени глупо, даже пошло и, прежде всего, неисторично.

Была ли полезна критика, которая раздавалась и продолжает раздаваться в адрес Евгения Евтушенко? Далеко не всегда, а иногда она и вредна. Случалось, что критикующие придирались к пустяшному поводу и раздували его в событие, да еще неверно, произвольно толковали содержание стихов.

Не робей, если ты оробела. Не замри, если ты замерла. Здравствуй, Чудо по имени Белла Ахмадулина, птенчик орла!»*

* Антокольский П. О поэтической молодежи //Московский литератор. № 32. 26 сент. 1962

Фото:

- Антокольский с Б. Ахмадулиной на даче в Красной Пахре, 1966
- Б.Окуджава поет на 70-летнем юбилее Антокольского в Красной Пахре, 1966
- Е.Евтушенко поздравляет Антокольского с 80-летним юбилеем в Центральном доме литераторов, 1976

Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЕ

Константин Симонов:

«...Работа Антокольского в поэзии – это не только работа над собственными стихами. Это работа над нами. <...> Неужели один и тот же человек мог стольким разным людям дать в их молодости так много, что они потом не забывали об этом всю свою поэтическую жизнь? Неужели можно на протяжении стольких лет, не оскудевая, делиться с молодежью всем, что у тебя есть, – опытом, знаниями, умением, запасами доброты, наконец, собственным сердцем?».

Маргарита Алигер:

«Он был всегда и всем доступен, ему всегда можно было позвонить по телефону, с ним всегда и обо всем можно было потолковать, не боясь его реакции, раздражения человека, которого “оторвали” от дела».

Сергей Васильев:

«Павел Антокольский учил нас ревностно и увлеченно, натаскивал, как щенков, на увлекательной охоте за точным эпитетом, образом, рифмой. Нацеливал на прочтение необходимых книг, водил нас по выставкам и музеям, влюблял нас в театр и живопись, возил по памятным местам в Москве и Ленинграде. Мало того, Антокольский приучал нас исторически мыслить...».

Михаил Матусовский:

«Он давно понял, какой ценой дается настоящее искусство: “На собственной золе ты песню сварить, чтобы другим дышалось горячо”».

Евгений Долматовский:

«Поэт, потерявший сына, оглушенный горем, остается на своем боевом посту: пишет стихи, зовущие к Победе, и продолжает свою наставническую деятельность, видя в нас, молодых поэтах тех времен, своих сыновей».

Александр Ревич:

«Помнится, он не любил слов «учитель» и «ученик». “В искусстве нет никаких учителей и учеников. Я сам учусь не только у старших, но и у младших”».

Василий Субботин:

«Павел Григорьевич, как санитар, на спине своей перетаскал с войны в литературу все наше поколение советских поэтов. Потеряв сына, он всю свою любовь перенес на нас».

Михаил Дудин:

«Он, сам того не думая, учил нас любви. Он ушел, и на одну любовь судьба моя стала меньше».

Белла Ахмадулина:

«Павел Григорьевич не уставал дарить себя людям».

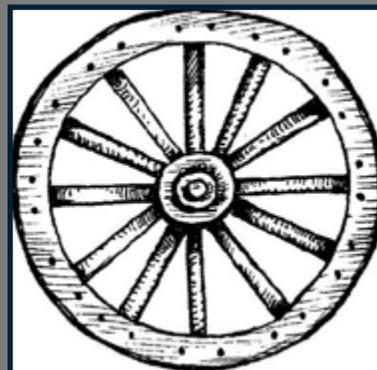
Евгений Евтушенко:

«Антокольский воспитал несколько поколений русских поэтов. Но никогда ни для кого из нас он не был ни добреньким Савельичем, ни устрашающим мэтром с дидактически поднятым перстом. Он всегда был ровесником всех входивших в литературу поэтов – может быть, только чуть их помудрей».

АНТОКОЛЬСКИЙ: ПУТИ ТВОРЧЕСТВА

перейти
к выбору разделов

История

перейти
в конец
экспозиции

АНТОКОЛЬСКИЙ – ВОЕНКОР

«31 августа 1943 года

Войну невозможно себе представить. Но я боюсь, что даже увидев бой, даже приняв в нём участие, описать его нельзя. Дело не только в субъективном, слишком мелком и ограниченном опыте, который не позволит охватить целое. И дело не в том, что ощущения потрясающей силы никогда не фиксируются сознанием. Дело в том, что война – вообще не человеческое дело.

7 сентября 1943 года

Армия в движении, в марше – это, пожалуй, самое значительное из всего, что мы могли здесь увидеть. А мы в течение недели были свидетелями переходов по 30–40 километров в день вдоль фронта. На этом лучше всего можно если не узнать, то почувствовать сложное и могучее хозяйство войны.

11 сентября 1943 года

Со вчерашнего дня мы в Людинове. Конечно, это самое сильное из всего, что довелось увидеть за всю поездку: город, из которого только что ушли немцы, полный их запаха, их надписей, с их кладбищем и моргом. Только-только возвращается население, прятавшееся в лесу. Большинство угнано немцами. Написал статью для «Комсомольской правды».

17 октября 1943 года

... в Чернигове. Надо быть великим художником и очень настоящим человеком, чтобы суметь описать этот несчастный, уничтоженный город, и мелкий осенний дождь над ним, и соборы разрушенные бомбами, и советскую власть, которая здесь восстанавливается в основном из партизанских кадров, и то, как мы пили спирт с ними, и домик Коцюбинского, и Десну, и даль за нею... <...> Города нет. Населения в нём тоже нет. А то, что здесь было, дает о себе знать парками, заросшими бурьяном, развалинами, церквами и милым русским простором над рекой. Какие обрывы, какая нежность и какая грусть»*.

* Фрагменты неопубликованных военных дневников П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

АНТОКОЛЬСКИЙ – СЫНУ

«6 июля, 1944

Любимый мой друг!

Два года тому назад был такой же светлый день на берегу речки Рессета. И это был последний день твоей жизни. В тот день вы закончили двухсоткилометровый марш. Во время марша на отдых полагалось по 4 часа в сутки. Спали на голой земле. Ели на ходу. Форсировали реку.

Тебе было указано остаться где-то в резерве, в тылу. Ты не захотел отстать от товарищей и оказался рядом с ними на переднем крае. Немцы вели шквальный, стелющийся по земле огонь. Ты был в траншее, корректировал огонь своего орудия. Один из бойцов был ранен. Ты кинулся к нему. Тотчас же разрывная пуля пробила твою верхнюю губу и разорвалась во рту. <...> Ещё горячий, с гибкими живыми мускулами, ещё не потеряв живого смуглого румянца, ты был мёртв. <...>

Ты ничего не увидел в жизни, кроме счастливого пёстрого детства и несчастной, трудной, подло оборванной юности, которая сразу навалилась на тебя – войной, мобилизацией, дальними расстояниями, тоской, одиночеством, лихорадочно быстрым возмужанием. Но жизнь твоя продолжается. <...> Через поэму тебя узнали и полюбили десятки тысяч людей: отцов, матерей, сыновей и девушек.

Ты будешь рядом со мною до последнего смертного часа. Всё, что я делаю, и всё, что сделаю ещё, посвящено тебе. Друг мой, солнышко моё, дорогой мой голубчик Вова, не покидай меня.

13 июля, 1944

Нет исхода чёрной тоске – как будто ты жив и стучишься ко мне горячими, сильными руками, и не могу я, никак не могу отворить тебе двери. И всю жизнь, все эти годы ты жадно хочешь вернуться и досказать, дожить, долюбить, дорасти всё, что тебе положено, и нет этому конца, нет исхода, и пройдёт ещё десять или сто лет, всё останется, как было: ты, молодой, полный сил и надежд, полный права на жизнь, любовь и счастье, обнявший в последнюю минуту воронёный автомат, на дне траншеи, уткнувший голову в колени. Ничего не кончилось – ни жизнь, ни смерть, ни любовь, ни обида, ни горе. Тебе – нет конца»*.

П.Г. Антокольский
«Сын»
(последняя глава)
Читает автор

Владимир Антокольский.
1923-1942

* Фрагменты неопубликованных военных дневников П.Г.Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк
Аудиозапись выступления П.Г.Антокольского хранится в Некоммерческой Электронной библиотеке «ImWerden», Мюнхен

АНТОКОЛЬСКИЙ В ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ

1944

И. Эренбург

П.Г. Антокольский

В. Гроссман

В. Каверин

Собибор
Треблинка

«**В**есь день – Треблинка. Это еще один лагерь смерти, м.б. еще пострашнее Люблина. <...> Осенью 1943 года произошел в лагере бунт. Восстало 1000 человек. Им удалось подобрать ключи от склада с оружием. Они добыли пистолеты и гранаты, перебили охрану и бежали. Спаслось 50 человек из тысячи. Остальных немцы переловили и утервили.

Но после восстания лагерь этот был уничтожен, вся площадь его перекопана под картофельное поле, следы преступления кое-как подчищены и убраны. А сейчас это картофельное поле еще раз перекопано людьми. Под ним оказались человеческие кости, жалкие осколки лагерного быта: обувь всех размеров и фасонов, горшки, бутылки, детские рожки и старческие протезы, еврейские молитвенники и польские романы, открытки, документы, фотографии, молитвенный талес рядом с какой-то трикотажной рванью, консервная коробка с футляром от очков и, как завершение всего этого страшного хлама, – прекрасный, большой человеческий череп, выбеленный землей. <...>

Когда немцы сжигали трупы и разрушали лагерь, смрад стоял над всей округой, его слышали люди в гор. Косове, за 10 км. Пепел сожженных, шлак и толченые кости немцы утилизировали по-своему: другие заключенные покрыли ими дорогу на несколько километров от лагеря. Вот оно, это шоссе антрацитного-черного цвета, в котором до сих пор можно обнаружить мелкие осколки белых костей. Они хрустят под ногами, а дорога лоснится, как будто в ней растоплен жир. Сжигая трупы, немцы под них клали детей и женщин, потому что дети и женщины лучше горят. Волосы, сбритые с женщин, тюками отправлялись в Германию – для нужд обороны будто бы... <...> Подтверждаются самые страшные и самые отвратительные подробности. Да, все это – правда»*.

* Фрагмент неопубликованных военных дневников П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Информационная справка

П.Г. Антокольский был в числе писателей, которые в годы Великой Отечественной войны собирали материал о преступлениях нацистов на территории оккупированной Польши. Собранный П. Антокольским и В. Кавериним материал лег в основу их очерка «Восстание в Собиборе». Очерк был опубликован в 1945 году в журнале «Знамя» №4 и впоследствии вошел в подготовленную И. Эренбургом и В. Гроссманом книгу документов о преступлениях нацистов – «Черную книгу» (издана в 1980 году в Иерусалиме). Также в 1944 году, командированный на Белорусский Западный фронт, П. Антокольский с группой советских военкоров побывал в лагере Треблинка.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Вспоминает внук Антокольского А.Л. Тоом:

«В годы гонений на космополитов дед был уволен из Литературного института. Его лишили дела, к которому у него было подлинное призвание. Его и от поэзии отлучили – перестали публиковать его стихи. Но ему было разрешено переводить – это чтобы уж совсем не умер с голоду. Он впоследствии не рассказывал о том, как пережил то время – несправедливых нападков и оскорблений. Чтобы снова не нахлынули те страшные чувства, он о плохом старался не говорить. Но в моей памяти остались воспоминания о том, как к нему приезжали его друзья из Грузии, Азербайджана и Украины. Они привозили ему свои стихи и угощение. Он “ушёл в переводы” и выжил.

А потом умер Сталин. Дед, как и многие творческие люди, воспрял духом. У него открылось “второе дыхание”. Он всегда легко писал и много работал, но с “оттепелью” его продуктивность возросла вдвое. И это уже было творчество зрелого поэта.

Он стал путешествовать, что давало богатую пищу для работы и личностного возмужания. И именно в годы “оттепели” он написал свою автобиографию, необычайно ценную с культурно-исторической точки зрения. К сожалению, она обрывается на событиях 1942 года, когда пришло извещение о гибели на фронте его сына Володи Антокольского.

Но сохранились дневники деда – военные и послевоенных лет, из которых можно многое узнать о его жизни в последующие годы. Мы готовим их к изданию в этом, юбилейном для Антокольского году».

1954	1958	1960
1962	1964	1969
1971	1971-1973	1973
1974	1977	1979

АНТОКОЛЬСКИЙ – ПОСЛАННИК СССР ВО ВЬЕТНАМЕ

«В ноябре 1958 года я был принят президентом ДРВ товарищем Хо Ши Мином в его резиденции в Ханое. <...> Был ранний час утра, но, глядя на президента, трудно было предположить, что он только начинает свой рабочий день. Скорее можно было представить себе, что над этой головой всегда стоит незакатное солнце полдня, что сон его неглубок, чуток и короток, как у солдата на биваке, как у моряка между двумя вахтами.

<...> Я доложил ему о работе, проделанной за месяц пребывания в стране, напомнил, что в одном из вьетнамских журналов были недавно опубликованы его стихи. Реакция была совершенно неожиданной! Он весело рассмеялся! В глазах его вспыхнула весёлая искра!

– Ну, какой же я поэт, помилуйте, что вы! Просто в годы Соппротивления, когда мы скрывались в пещерах и джунглях Севера, у всех у нас было, к сожалению, много свободного времени. Вот мы и баловались стихами – и я и другие товарищи. Во Вьетнаме все пишут стихи. Но теперь наши стихи – цифры. Да, да, цифры урожая и сбора риса – вот наша поэзия! <...>

Свою тираду президент произнёс бегло, по-французски, но и русскую речь он понимает хорошо, без перевода и, прощаясь со мною, написал в моей записной книжке твёрдыми русскими буквами:

“Братский привет. Хо Ши Мин”»*.

Информационная справка

П.Г. Антокольский был первым переводчиком на русский язык поэзии Хо Ши Мина. Более 100 стихотворений, представленных в «Тюремном дневнике», опубликованы в московском «Издательстве иностранной литературы» в 1960 году.

П. Антокольский с президентом Вьетнама Хо Ши Мином в его резиденции в Ханое. Вьетнам. Осень 1958

* Антокольский П.Г. Сила Вьетнама // Собр. соч. в 4 т. Т.4. М.: Художественная литература, 1973. С. 286–287

МУЗА АНТОКОЛЬСКОГО

ЗОЯ БАЖАНОВА. 1902-1968

Фото Э. Бенделя. 1928

Вспоминает В.А. Каверин:

«Зое Константиновне было нелегко не только потому, что она была женой поэта, а потому что он был человеком бешеного темперамента, бесконечно вспыльчивый, непостоянный, трудолюбивый и одновременно беспечный. Человек, в котором крайности скрещивались <...> эта беспорядочность, это бросание от своих книг к другим, эта бешеная борьба с давно покойными мыслителями, эти споры, которые он затевал ни много ни мало с целым столетием. Вот рядом с таким-то человеком жила стройная, белокурая, маленькая женщина с большим сердцем и железной волей. Она была не просто нужна ему, без неё мгновенно рассыпалось бы всё его бытовое и поэтическое существование. <...>

И Антокольский глубоко понимал талантливую в своей мудрости и умении безотказно делать добро жену. Можно смело сказать, что никого он никогда так не понимал и так не любил, как своего верного, на всю жизнь преданного друга. Только ей одной он позволял держать его в ежовых рукавицах»*.

* Каверин В. Старый друг // «Воспоминания о Павле Антокольском». М.: Советский писатель, 1987. С. 63–64

З.К.Бажанова в спектаклях театра им. Е. Вахтангова: «Принцесса Турандот» (1922), «Женитьба» (1924), «Виринея» (1925), «Заговор чувств» (1929), «Зойкина квартира» (1930), «Темп» (1930), Флорисдорф» (1936)

Деревянные скульптуры работы З.К. Бажановой (сверху вниз): «Распятие», «Ангел», «Макбет и ведьмы» (1960-е годы)

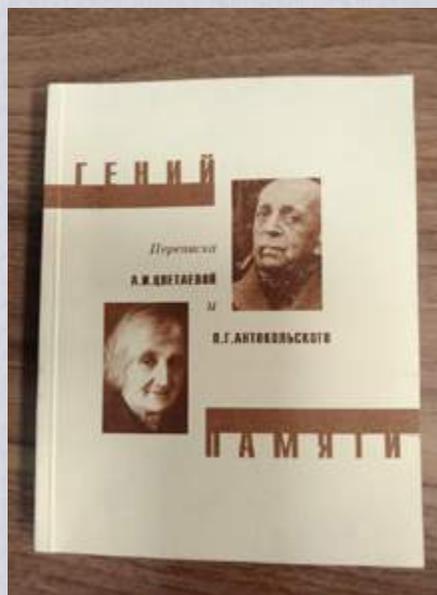
ВСПОМИНАЕТ А.И. ЦВЕТАЕВА

«Как забыть невысокую лёгкую фигуру Павлика – на эстраде, в позе почти полёта, читающего стихи! Как забыть его пламенные интонации, его манеру чтения стихов, несколько не походившую на манеру тогдашних юных поэтов, подражавших Есенину. Его особенный жест изнутри тела идущий, не быть не могущий, некое легчайшее, как слово из уст исходящее, переламывание стана к талии, неосознанно – мимолетно-цирковое движение – а рука уже поднялась в воздух, уже чертит узор ритма, и цветут над залом имена Робеспьера, Марата с их зловещей грозной судьбой – и так уже перелетел Павлик в тот век, что уж будто не в России мы, а во Франции.

И уже зарождался будущий его “ток высокого напряжения” – и чем мы можем ответить ему, как не громом рукоплесканий... Зал гремит. Павлик кланяется смущённо... <...>

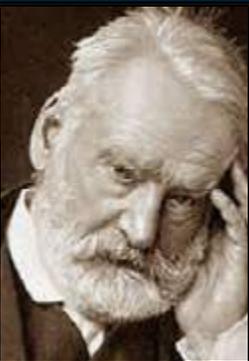
А.И. Цветаева. 1894-1993

Я не помню теперь, до какого времени писала Павлику на его квартиру на улицу Щукина, на квартиру, как я слышала, его счастья, счастья зрелости его и, быть может, начала старости, в годы его брака со второй женой его Зоей Бажановой. Я не знаю, когда она умерла, но я знаю что случилось с Павликом после её смерти – он рухнул. Это началась уже не жизнь – доживание. Тот мир, который они любили вдвоем, еще цвел и шумел вокруг, но ему уже не было в нем прежнего места. Как-то сразу настал последний его возраст: годы наслаивались беззвучно – и только одно ещё звучало ему: стих. Как только загорался звук ритма, годы сгорали как мотыльки над костром, старческий стан выпрямлялся, глаза под желтыми веками полыхали как прежде, и голос поэта гремел с почти неестественной силой над притихшим кругом слушающих»*.

* Цветаева А.И. Воспоминания о Павлике Антокольском // Воспоминания о Павле Антокольском. М.: Советский писатель, 1987. С. 36–38

АНТОКОЛЬСКИЙ – ЛИТЕРАТUROВЕД И ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ

Пути у поэтов разные. У каждого свой. Нет пути – нет и поэта.
Больше, чем какое бы то ни было другое искусство, поэзия делается всем человеком, всей его жизнью, всем прошлым. Между личностью автора и его работой ощутима искра непосредственного контакта, как при сварке металлов. В этой искре сама душа поэзии.
Я написал обо многих выдающихся поэтах: классиках и современниках, поэтах нашей страны и поэтах Запада. Я не решился ввести в обиход термин *поэтоведение*. Но говорить о поэзии, отправляясь от личности каждого данного поэта, необходимо. Это – новая дисциплина, она соприкасается с наукой и родственна искусству.

Павел Антокольский

ПАМЯТИ А.С. ПУШКИНА

Солнце русской поэзии

«Лучшие его друзья, сверстники и соратники, были казнены новым царём и задыхались в кандалах сибирской каторги. Его поколение перестало существовать как общественная среда, бережная к нему лично, близкая ему духовно и социально. Новый царь навязал ему снисходительно любезное внимание и свою особую, вьедливую цензуру, которая оказалась тяжелее всякой другой. Ему исполнилось тридцать лет и жизнь его сложилась трагически. <...>

Что же произошло за эти годы в бессмертной жизни Пушкина? <...>

Открытия новых его текстов, так приблизивших к нам его мысль, его духоаный облик, богатство его души. <...>

Но с еще большей силой мы вспоминаем о том, что <...> домик в Михайловском был сожжён врагами, что квартира его на Мойке была искалечена снарядами <...> что Киев, Новгород и Псков и другие древние города – свидетели пушкинской жизни и вдохновения – тоже были изранены вражеским железом. <...>

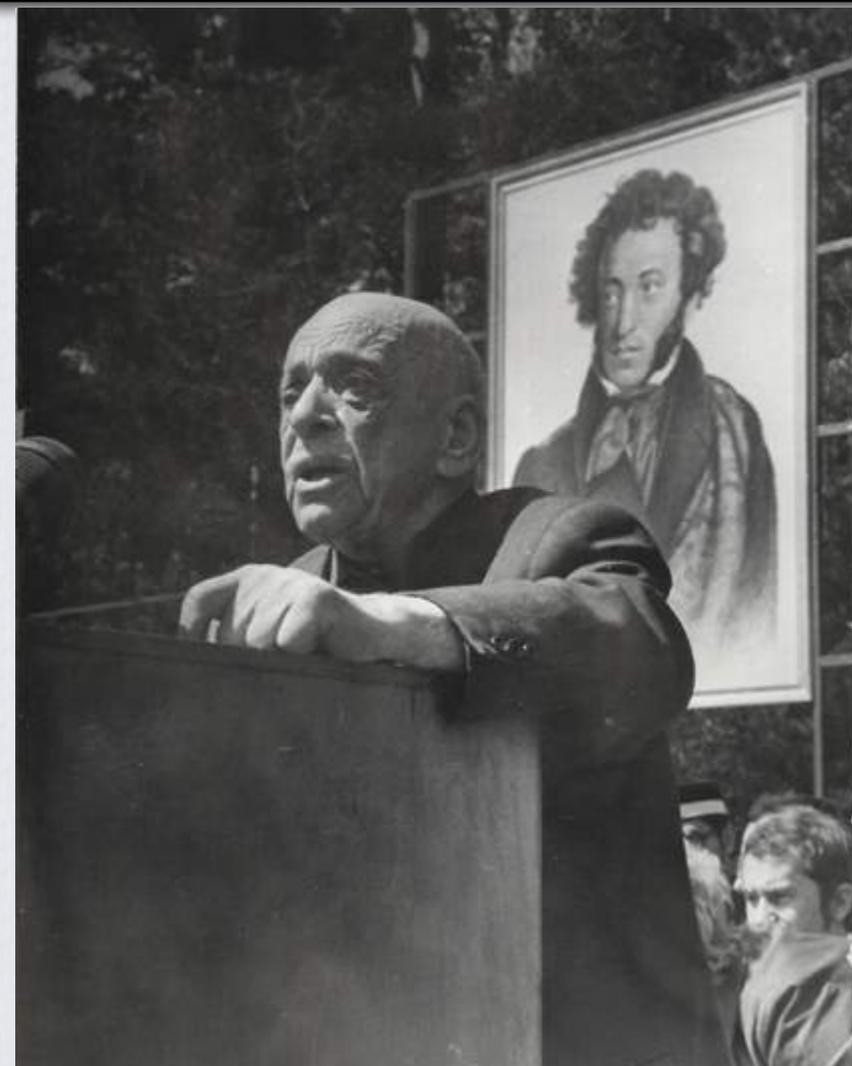
Поистине, бессмертие Пушкина не только в бронзовых статуях, не только в миллионах и миллионах тиражей его сочинений. Бессмертие Пушкина в том, сто его голос никогда не переставал звучать в русской поэзии»*.

* Антокольский П.Г. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать // Антокольский П.Г. Собр. соч. в 4 т. Т.3. М.: Художественная литература, 1972. С. 173–182

М.: Советский писатель
1960

Отрывок из передачи
"Наш Пушкин. Документальный фильм".
ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД России. 1979
(3:45-5:25)

Выступление П.Г. Антокольского на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. Начало 1970-х. Фото из архива семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

А.С. Пушкин. Пророк
Читает П.Г. Антокольский

ИЛЛЮСТРАЦИИ АНТОКОЛЬСКОГО К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ПУШКИНА

«Борис Годунов». 1965–1966. Аппликация.
Цв. бумага, картон, гуашь. 54 x 80 (см)

«Бесы». 1965–1966. Цв. бумага,
гуашь. 50 x 68 (см)

«Медный всадник». 1965. Аппликация.
Цв. бумага, гуашь. 64 x 35 (см)

«Моцарт и Сальери». 1965–1966. Аппликация.
Цв. бумага, гуашь, тушь. 23 x 31 (см)

М.Л. Матусовский: «Человек, одержимый творчеством, остается таким всегда. После тяжелой болезни врачи запретили Павлу Антокольскому на какое-то время писать. Он должен был вести размеренный образ жизни, соблюдая скучный лечебный режим, и прежде всего не волноваться. <...> Антокольский купил кистей, разноцветной бумаги, заполнил кабинет флаконами с тушью, тюбиками с клеем, листами ватмана.

Утром я встретил его на улице пылающего от подскочившего давления и странно возбужденного. «Что с тобой?» – спросил я. «Понимаешь, я отвратительно спал. Задумал сделать большую аппликацию на тему «Медного всадника». И так ясно представил себе всю композицию, так волновался из-за этого, что не мог уснуть всю ночь»*.

ПАМЯТИ А.А. БЛОКА

Выступления П.Г. Антокольского на Блоковском празднике поэзии. Шахматово. 1977. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

А. Блок

О, весна без конца и без края

Читает П. Антокольский

Отрывок из передачи «Шахматово. О музее-усадьбе великого русского поэта Александра Блока». ГОСТЕЛРАДИОФОНД России. 1972 (17:18-18:28)

«17 июня 1964 года

Весь день <...> в Шахматове, на том месте, где была усадьба Бекетовых, где прошло детство, отрочество, юность Блока. Не побывать там хоть раз в жизни – грешно. Нам повезло: нашёлся в соседней деревне военный инвалид (гораздо моложе меня), который привёл нас к тому самому месту, где стоял когда-то дом.

Густая лесная (бывшая когда-то садовой) заросль. Стена дикого шиповника, старые акации, столетний серебристый тополь со стволом в четыре обхвата. Пробриться сквозь эту глушь почти невозможно. Представить себе, что пятьдесят лет назад (всего только) здесь жили – оседло, домовито, счастливо – люди, что у них были книги, лошади, ухоженные цветы, гости, посуда – невозможно. Что здесь рос любимый ребенок, сын и внук – тоже невозможно. На пять километров вокруг – никакого человеческого жилья. Все пусто и дико. <...> Сказать по правде, у меня главенствовала печаль, тоска, даже злоба: на всю русскую жизнь, на всю историю, которая так не бережет себя и своих памятников!

Это можно сравнить с остатками культуры Майев в мексиканских джунглях! Только там сохранились храмы, стены, статуи, а здесь – ни одного кирпича. И это невыразимо печально. <...>

18 июня 1964 года

Весь день под гнетом того, что видел в Шахматово. Это ужасно! Как может пропасть так бесследно такая напряженная и так много значившая человеческая жизнь? Как могло случиться, что никому не захотелось хоть что-нибудь сохранить здесь?...»*

* Антокольский П.Г. Дневник. 1964-1968. СПб.: Пушкинский фонд, 2002. С. 18-19

Информационная справка

В 1969 году по инициативе С.С. Лесневского и П.Г. Антокольского в литературной жизни страны появилась традиция ежегодных праздников поэзии в подмосковном Шахматове. До конца своих дней Антокольский принимал активное участие во всех поэтических торжествах, посвященных памяти и творчеству А.А. Блока.

ПАМЯТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

«10 июня 1964 года

Столетие со дня рождения Лермонтова совпало в 1914 году с началом Первой мировой войны, столетие со дня гибели, в 1941 году, – с началом Отечественной. В силу этих исторических совпадений ни одна из памятных годовщин: ни в 1914-м, ни в 1941-м году, – не носила характера всенародного чествования. <...>

15 июня 1964 года

В три часа Лермонтовский комитет. <...> Два главных пункта предстоящего торжества – памятник и выставка – тонут в глупых мелочах, и то и другое, в сущности, не предусмотрено, а время давно упущено. Памятника опять не будет, и вместо всесоюзной выставки <...> лишь слабенький эрзац в литературном музее. Это очень плохо!

27 сентября 1964 года

Лермонтовский вечер в Зале Чайковского. <...> Сурков сказал вступительное слово, по-моему, с начала и до конца бездарное: без души...

13 октября 1964 года

В “Литературной газете” тревога: а вдруг, дескать, полет трех в космос “отменит” Лермонтова! В сущности Лермонтову продолжает не везти. Нет войны, зато другое событие космически-мирового порядка заслоняет его. Но тревога улеглась, когда выяснилось, что номер газеты выйдет шестиполосный: “жилплощадь” Лермонтова уплотнена не будет.

15 октября 1964 года

Сто пятьдесят лет со дня рождения Лермонтова. Торжественный вечер в Большом театре. Речи малоинтересны и совсем не горячи...

16 октября 1964 года

И все-таки Лермонтов и на этот раз оказался роковым человеком в самый день своего юбилея. Слава богу, это не война, никакой пушечный залп не отметил дня его рождения. Однако, событие вчера произошло чрезвычайной важности. Хрущев смещен со всех постов, которые он занимал*.

* Из неопубликованных дневников П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Фрагмент публикации П.Г.Антокольского с иллюстрацией П.Л. Бунина к 150-летию юбилею М.Ю. Лермонтова. «Литературная Россия» № 41, 1964

ПАМЯТИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

«25 декабря 1965 года

Книга вышла. Тираж 40 тысяч. Конечно, это бессовестно мало, но хотя бы и так! <...> Это значит, что Марина Цветаева вошла в советскую поэзию навсегда и уже не исподтишка, не из-под полы, а вполне “легально”. И это начало ее новой жизни и продолжение ее нелегкой судьбы, ее пути. <...>

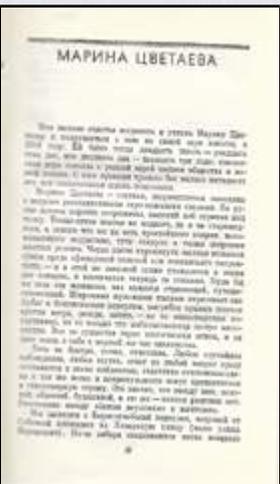
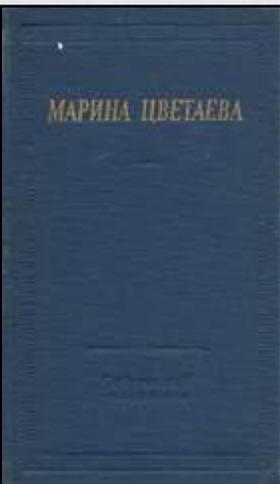
9 января 1966 года

<...> выход этой книги в горьковской “Библиотеке поэта” – есть узаконение Марины, ее вхождение в великую русскую поэзию: она там же, где Пушкин, Державин, Блок... Главное – необходимость объективного изучения и соответственной оценки. Честно говоря, у Марины больше прав на это вхождение, чем у Бунина. Однако её проблема нервнее, отношение к ней судорожнее, осторожнее, здесь всегда угадываешь камень за пазухой. <...> Ее трагедия известным образом продолжается, и это неизбежно на какое-то ближайшее время. Но тем выше и ярче будет впоследствии её бесспорность и общепризнанность»*.

Информационная справка

П.Г. Антокольский был в числе тех немногих советских писателей, кто способствовал официальному вхождению М.И. Цветаевой в русскую литературу: выступлениями на вечерах её памяти и творчества, переговорами с руководством издательств, помощью А.С. Эфрон в работе с ранними архивами матери при подготовке её книги для Большой серии «Библиотеки поэта».

* Антокольский П.Г. Дневник. 1964-1968. СПб.: Пушкинский фонд, 2002. С. 47, 49

Марина Цветаева
Избранные произведения
«Сов. писатель»
1965

Павел Антокольский.
Далекое это было где-то...
«Дом-музей Марины Цветаевой»
2010

Павел Антокольский
Современники: Марина Цветаева
Собр. соч. в 4 т. Т.4.
«Художественная литература»
1973

Павел Антокольский
Дневник. 1964-1968.
«Пушкинский фонд»
2002

Марина Цветаева
Театр
«Искусство»
1988

«ДРУЗЬЯ, МЫ ЖИВЁМ НА ЗЕЛЁНОЙ ЗЕМЛЕ»

«Я много путешествовал и по необъятным просторам нашей родины и за рубежом: от Парижа до Китая, от Стокгольма до Вьетнама, от Новосибирска и Томска до Болгарии и Югославии, – расстояния огромны. Но не географическими пространствами характерна жизнь художника. Существует и четвертое измерение – Время. Мои странствия во времени перекрывают все географические расстояния.

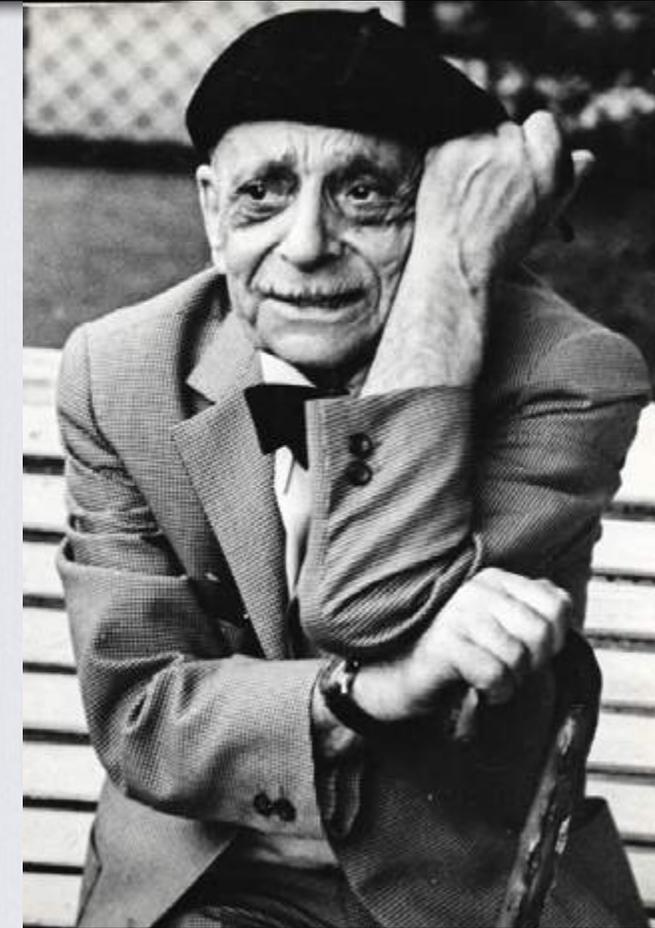
Осмеливаюсь утверждать, что был рядом с Робеспьером накануне девятого термидора IV года республики, а ещё раньше, в пятнадцатом веке нашей эры, бедствовал и погибал вместе с Франсуа Вийоном, а ещё значительно раньше, в начале IV века нашей эры, был в триклинии у Диоклетиана. А если говорить о совсем незапамятной дали веков, то я вспомню встречу с царицей Нефертити за XIV веков до нашей эры.

Дело обстоит именно так благодаря способности художника к перевоплощению. Других секретов нет никаких. На этом я могу закончить. Здесь многое недосказано. Пропущенное – в моих книгах. Современная жизнь характерна рекордными скоростями. Вот отчего каждая жизнь есть не что иное, как фрагмент, оборванный на полуслове»*.

* Фрагмент неопубликованных военных дневников П.Г. Антокольского. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Юбилейный вечер П.Г.Антокольского в Центральном доме литераторов. Москва. 1 июля 1976 года. Архив семьи Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

П.Г. Антокольский в день своего 70-летия. Фото В.Назарова. 1976

Фото и аудиозапись песни «Застольная» из архива Тоом-Антокольских, Нью-Йорк

Застольная
сл. П. Антокольского
муз. А. Загота, исп. А. Евстигнеева

НАД ПРОЕКТОМ РАБОТАЛИ

Текст, подбор материалов, концепция и макет экспозиции:

А.И. Тоом, А.Л. Тоом

Редакторы:

Л.А. Викулина,
Н.А. Федоренко (технический редактор)

Верстка:

А.А. Миндрина

Координаторы:

Е.И. Жук, Ю.А. Чурсина

Благодарность за предоставление архивных материалов, документов и фото для экспозиции:

Музею театра им. Е.Вахтангова, Москва
Театру Юного Зрителя «Дилижанс», Тольятти
Некоммерческой электронной библиотеке «ImWerden», Мюнхен

В фильме использованы фрагменты телефильмов, предоставленных Гостелерадифондом России